

HEART
OF THE
DRAGON
CHA YAN IZZY

Cha Izzy

Heart of the Dragon

<https://litres.ru/74314332>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он страдал, чтобы мы жили. Теперь мы должны решить, достоин ли он пробуждения.

В глубинах Подземелья рождается ребёнок, который помнит всех, кого мир забыл. За ним охотятся эльфы, гномы и люди. Но четверо изгоев решают его защитить — даже если для этого придётся спуститься к Сердцу умирающего Дракона.

«Сердце Дракона» — тёмное фэнтези о цене памяти, силе сострадания и выборе, который невозможно переиграть.

Содержание

ПРОЛОГ. ЦЕНА ПАМЯТИ	4
ГЛАВА 1. КРОВАВЫЙ ОТКУП	7
ГЛАВА 2. ТАНЕЦ СМЕРТИ	11
ГЛАВА 3. ТРЕЩИНЫ В ДОСПЕХАХ	15
ГЛАВА 4. ИМЯ БЕЗ ЛИЦА	20
ГЛАВА 5. ОСКОЛКИ	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Cha Yan Izzy

Heart of the Dragon

ПРОЛОГ. ЦЕНА ПАМЯТИ

Запах. Он всегда возвращался к ней через запах.

Ириэль стояла босиком на холодном мраморе Зала Воспоминаний. Стены, увитые лозами, которые не знали гнили, источали аромат лесного ореха и утренней росы. Этот запах был её храмом, её крепостью. Она закрыла глаза.

Лицо. Веснушки, рассыпанные по переносице, как крошечные золотые монетки. Смех, похожий на перезвон хрустальных колокольчиков. «Ири, не уходи! Мама будет ругаться...»

Образ брата вспыхнул перед ней, живой, теплый. Эльфийка вдохнула запах ореха глубже, вплетая его в воспоминание, делая его неотличимым от реальности. Это был её щит. «Танец Памяти» требовал самого яркого, самого невыносимо счастливого мгновения, чтобы выдержать соприкосновение с чужой смертельной болью.

Она медленно выдохнула, открыла глаза и шагнула к выходу. За прозрачной стеной сада уже клубился туман внешнего мира, пропитанный Скорбью. Как только она покинет стерильную чистоту эльфийского квартала, чужая боль начнет сочиться в неё.

Старейшина ждал у врат. Его глаза, цвета выцветшего мха, были полны вековой усталости.

— Наблюдатели сообщили, что Вард Молчаливый снова спускается, — прошелестел он. — В глубокий слой. И он взял заказ от гномов.

— Заказ? — голос Ириэль дрогнул. — Мы думали, он умер после провала в Храме Стонущего Неба.

— Он жив. Но его душа... это уже не важно. Важно то, что он ищет. — Старейшина протянул ей свиток. В нем был рисунок. Сфера, внутри которой спал младенец. — Глубинные сейсмографы гномов зафиксировали рождение нового разума в агонизирующей плоти Дракона. Это не Эхо. Это не артефакт. Это... отпрыск.

Ириэль похолодела. Ребенок, рожденный из чистой Скорби? Сгусток чужой агонии, обретший самосознание?

— Если люди или гномы получают его... — начала она, но Старейшина закончил за неё:

— Люди сделают его бездонной свалкой для своей боли, продлив агонию Дракона на тысячелетия. Гномы поместят его в ядро своей машины и создадут клетку, из которой мировая Скорбь никогда не вырвется. Мы все задохнемся в этой тюрьме.

— А мы? — тихо спросила Ириэль, уже зная ответ.

— А мы... — эльф посмотрел на неё с бесконечным сочувствием. — Мы должны уничтожить его. Быстро и милосердно. Подарить ему покой, которого не можем подарить Дракону.

Ириэль снова вдохнула запах лесного ореха, но он уже не помогал. Она кивнула. Милосердное убийство. Ради всеобщего покоя.

ГЛАВА 1. КРОВАВЫЙ ОТКУП

Вард Молчаливый ненавидел тишину. В ней жили голоса.

Он сидел в грязной таверне «Последний Причал» на краю Разлома. Голоса накатывали волнами. Сейчас это была женщина. Она кричала. Она всегда кричала на одной и той же ноте, когда Вард оставался без дела.

«...пожалуйста, не надо! У меня дети... АААА!»

Он залпом допил кружку мутного пойла. Оно не глушило крик. Ничто не глушило крик. Только боль. Настоящая.

Вард вытащил из-за голенища сапога короткий ритуальный кинжал с желтой костяной рукоятью. Посетители таверны — мрачные мародеры и беглые должники — отвели глаза. Они знали этот ритуал. «Сейчас Добытчик будет платить».

Он закатал грязный рукав. Вся левая рука от запястья до плеча представляла собой сплошную карту шрамов. Одни были белыми и старыми, другие — розовыми, едва затянувшимися. Вард аккуратно, словно делая надрез на пергаменте, полоснул по предплечью.

Физическая боль — острая, чистая, простая — пронзила его. И на секунду, на одну блаженную секунду, крик женщины в голове стих. Кровь закапала в пустую миску. За это и назывался его стиль — «Кровавый Откуп». Ты платишь своей кровью за тишину в голове.

В таверну вошел Брамм. Его бронзовый намордник тускло блестел в свете масляных ламп. Гном был похож на ходячий сейф. Массивный, закованный в металл не столько для защиты, сколько для изоляции. Намордник был не просто символом позора, это был глушитель магии и Скорби. Гномов она не брала, но Брамм, единственный из своего рода, начал чувствовать её отголоски. И чтобы не сойти с ума от этой новой, неведомой его расе боли, он запер себя в клетку.

— Ты опаздываешь, Стиратель, — прохрипел Вард, не поднимая глаз.

Брамм проскрипел тяжелыми сапогами к столу и сел напротив. Из-под намордника донесся голос, искаженный, металлический, но полный странного сочувствия, которое так не вязалось с его пугающим видом:

— Я следил за эльфами. Их Слушательница уже выдвинулась. Ириэль. Очень сильный эмпат. Она убьет ребенка,

Вард. Не раздумывая. Для них это не убийство, а акт милосердия.

Вард наконец поднял взгляд. Его глаза, цвета выцветшей стали, на мгновение прояснились.

— Я видел его во Сне. Того, кто родился в Сердце. Я чувствовал его... его одиночество. Оно сильнее, чем крик этой женщины у меня в голове. Он — не просто батарейка.

— Он — ключ, — перебил Брамм. — Если гномы поместят его в Усыпальницу, они создадут идеальный изолятор. Дракон перестанет чувствовать боль. Агония прекратится. Но магия исчезнет. Полностью. Твоя Скорбь убьет тебя без возможности разрядки. А мои руны перестанут работать. Мы вернемся в Каменный Век. Эльфы будут счастливы, но люди вымрут. А если мы оставим его людям... Ты сам знаешь. Они продлят мучения Дракона, выкачивая из ребенка Скорбь. Вечный ад для Дракона и вечная война за ресурс.

— А что хочешь ты, Брамм? — тихо спросил Вард. — Ты же гном. Ты не чувствуешь Скорби. Ты не заинтересован в магии. Зачем ты помогаешь мне?

Гном долго молчал. Его закованные в металл пальцы сжались в кулак.

— Потому что я видел, как кричит человек, умирающий от чужой боли. И я... я что-то почувствовал, — он произнес это слово с омерзением и благоговением одновременно. — Я хочу понять, что это было. И я думаю, этот ребенок — единственный, кто может мне объяснить, что такое... сострадание. Он — не ключ к магии. Он — ключ к нашей душе.

Вард перевязал руку грязной тряпкой и встал. Голоса в голове снова начали набирать силу.

— Тогда не будем терять времени, — сказал он. — Спускаемся. И молитесь своим безмолвным скалам, Брамм, чтобы мы нашли его раньше, чем эльфийка, которая помнит смех своего мертвого брата.

ГЛАВА 2. ТАНЕЦ СМЕРТИ

Спуск в Подземелье был похож на погружение в ледяную воду.

Ириэль шла по Верхнему слою Храма Стонущего Неба, и мир вокруг менялся. Развалины человеческих статуй были покрыты черной слизью, которая шевелилась, когда на неё не смотрели. Стены здесь были не просто камнем — это была спекшаяся кожа Дракона. Эльфийка видела ауру этого места. Она пульсировала багровым, как гниющая рана.

Каждые семь минут наступал «Плач». Стены начинали мелко вибрировать, и пространство наполнялось звуком — низким, утробным рыданием.

Ириэль замерла в нише. Её рука метнулась к висевшему на шее медальону. Она открыла его. Внутри была крохотная прядь золотистых волос. Волос брата. Она поднесла их к лицу и глубоко вдохнула. Запах лесного ореха, который хранили волосы, был слабее, чем в Зале Воспоминаний, но этого было достаточно.

Воспоминание вспыхнуло с новой силой. «Ири, смотри, я

поймал светлячка!»

Волна Плача прошла сквозь неё, как порыв ледяного ветра, ища брешь в эмоциональной броне. Чужие смерти, которые пытались прорваться в её разум, разбились о теплый образ смеющегося мальчика. Плач утих. Ириэль выдохнула, чувствуя, как по виску стекает струйка пота. Воспоминание стало чуть бледнее. Еще немного, и она не сможет его вызвать.

Она нашла их у входа в Средний слой. Вард стоял, освещая путь старым фонарем, в котором тлел не огонь, а Накопитель, полный гаснущей Скорби. Свет был тусклым, дрожащим, полным боли. Рядом с ним Брамм сканировал стену руной-анализатором.

— Ты опоздала, эльфийка, — не оборачиваясь, сказал Вард.

— Ты истекаешь Скорбью, человек. Ты фонтан боли. Я слышу крики из твоей души за полсотни шагов, — ответила Ириэль, обнажая клинок. Он был тонким, как игла, и вибрировал в такт её сердцебиению.

— Не лезь в мою душу, — прорычал Вард.

— Я и не лезу. Ты сам её всем показываешь.

Брамм обернулся. Его глазная прорезь в наморднике была темна.

— Он здесь, — проскрежетал гном, указывая на стену. — Я считываю уникальный отпечаток. Это не Эхо. У него есть собственная частота боли. Он целостный. Но он... в ловушке. Внутри стены.

Ириэль подошла ближе. Она не хотела стоять рядом с Вардом, от которого разило чужой агонией, как от бойни — кровью. Она приложила ладонь к стене. И её тут же отбросило видением.

Маленькая девочка стоит на коленях. Её раздавило обвалившейся колонной. Боль адская, но она не кричит. Она смотрит на Ириэль и беззвучно говорит: «Пожалуйста, не дай им сделать со мной это снова».

Эльфийка отдернула руку. Её била дрожь.

— Ребенок не за стеной, — сказала она побелевшими губами. — Ребенок и есть эта стена. Скорбь настолько сильная, что искажает реальность вокруг себя. Внутри этой иллюзии — он. Один. В темноте.

Вард посмотрел на стену. В его стальных глазах Ириэль впервые увидела нечто, похожее на страх.

— Тогда мы пробьемся к нему, — сказал он и вытащил свой зазубренный тесак. — И пусть он увидит, что он не один.

ГЛАВА 3. ТРЕЩИНЫ В ДОСПЕХАХ

Тьма в Среднем слое была не просто отсутствием света. Это была материальная субстанция, пропитанная забытыми страхами. Единственным источником света служил фонарь Варда, работающий на Накопителе. Его свет был тревожным, пульсирующим, и в нём тени от троих путников выглядели так, будто они пляшут под неслышную мелодию.

Ириэль двигалась в десяти шагах позади Варда — ровно на таком расстоянии, чтобы его аура Скорби не захлестнула её с головой. Она видела его истинное состояние. Оно было ужасающим. Вокруг обычного человека Скорбь висела как туман, но вокруг Варда она клубилась, словно грозовая туча, пронизанная багровыми молниями чужой агонии. Сотни, тысячи голосов, которые он носил в себе, сливались в нестройный хор.

Брамм шел последним, сканируя пол и стены руной-анализатором. Его шаги были тяжелыми, размеренными.

— До следующего Плача четыре минуты, — прогудел он

из-под намордника. — Нужно найти нишу или расширение. Здесь коридор голый, как кость.

— Здесь нет ниш, — отозвался Вард, не оборачиваясь. — Этот слой не строили, он вырос сам. Это вена Дракона. Она сокращается.

Ириэль почувствовала это. Пол под ногами был упругим, а не твердым. Легкая вибрация, напоминавшая пульс, шла из глубины. Внезапно она остановилась. Её взгляд упал на стену слева. Там, вплавленный в черный камень, виднелся скелет. Человеческий. Его поза была скрюченной, а руки закрывали лицо. Но дело было не в скелете. Дело было в Эхе.

Эхо проявилось не сразу. Сначала возник запах — смесь пота, дешевого табака и страха. Потом — звук. Учащенное дыхание. И затем — сам образ. Полупрозрачная фигура мужчины в истрепанном плаще Добытчика, который скреб пальцами по стене.

«Выпустите... выпустите меня... Она сказала, что будет ждать... моя дочь... она ждет у Разлома... я не могу умереть, я обещал...»

Ириэль замерла. Видеть Эхо для неё было не просто оптическим явлением. Она чувствовала эмоцию, застывшую в

этом моменте. Не страх смерти. А отчаяние от невыполненного обещания. Горечь предательства самого себя. Любовь, которая стала якорем, не дающим душе уйти.

— Не смотри на него, — резко бросил Вард. — Отвернись.

— Я не могу, — прошептала Ириэль. — Я Слушательница. Я должна...

— Ты ничего никому не должна! — Вард резко схватил её за плечо и грубо оттащил от стены, разрывая зрительный контакт. Эхо исчезло с тихим, жалобным стоном.

Ириэль вырвала руку. Прикосновение Варда обожгло её даже через одежду. Его Скорбь хлестнула по ней, как кнутом, и на мгновение она услышала крик той самой женщины, что жила в голове Добытчика. «У меня дети!»

— Не смей меня трогать! — выкрикнула она, отпрянув. Её лицо исказилось от отвращения и боли. — Ты... ты ходячая могила! Как ты вообще живешь с этим внутри?

Вард смотрел на неё. В его стальных глазах не было обиды. Только бесконечная, выцветшая усталость.

— А я и не живу, — сказал он тихо. — Я жду, когда умру. Но перед этим я должен кое-что исправить.

Брамм встал между ними. Его бронзовая фигура в тусклом свете фонаря казалась статуей древнего судьи.

— Если вы закончили разбираться, у кого травма глубже, — проскрежетал он, — то у нас две минуты до Плача. И я нашел кое-что.

Он указал в конец коридора. Там, в стене, зияла дыра, похожая на оплывший ожог. Она вела в небольшую каверну. Но дело было не в ней. Внутри каверны, на каменном выступе, лежал предмет. Человеческий череп. Он был цел, но его макушка была аккуратно спилена, а внутренняя полость заполнена засохшей черной массой. Это был старый, разряженный Накопитель, переделанный в чашу.

— Это место... — Вард шагнул внутрь. — Здесь кто-то жил.

Он провел рукой по стене каверны. И отдернул её, словно обжегшись. На камне были выцарапаны слова. Много слов. Они покрывали все стены, пол, даже потолок. Одно и то же имя, написанное разными почерками, с разной силой нажима.

«Лиара»

«Лиара, прости»

«Лиара, я вернусь»

«Лиара... Лиара... Лиара...»

Ириэль прочитала это имя, и у неё перехватило дыхание. В каждом слове пульсировала такая сила чувства, что ей стало дурно. Тот, кто писал это, был болен не Скорбью. Он был болен виной. И это было страшнее.

Вард стоял спиной к ним. Его плечи напряглись. Свет фонаря дрожал в его руке.

— Это мой почерк, — сказал он мертвым голосом.

ГЛАВА 4. ИМЯ БЕЗ ЛИЦА

Время до Плача сжалось до одной минуты. Но в каверне, исписанной именем его жены, Вард, казалось, забыл об опасности. Он провел пальцами по грубым, выцарапанным буквам. Самое страшное было в том, что он не помнил, как писал их.

— Лиара, — произнес он это имя вслух. Оно отозвалось в каверне тихим эхом. — Я не помню её лица.

Брамм и Ириэль стояли у входа. Эльфийка, забыв о своем отвращении, смотрела на человека, который вдруг превратился из чудовища, разносящего заразу боли, в сломленное существо.

— Ты забыл её из-за Скорби? — тихо спросила она.

Вард кивнул. Он не оборачивался, не хотел показывать им своего лица.

— Это была моя плата за выживание в Сердце. Последний глубокий рейд, три года назад. Мы нашли огромный, нетронутый Накопитель. Легендарный. Думали, разбогатеем. Но

он был переполнен. Когда мой напарник, Корвин, коснулся его, его разорвало изнутри. А Скорбь... Скорбь хлынула на всех нас. Это было как цунами из чужих смертей. Я сумел перенаправить её в себя, чтобы спасти остальных. Но цена... — он коснулся своей головы. — Она забрала всё. Лицо жены, голос дочери, имя моего первого учителя. Остался только запах её волос и чувство вины. Я знаю, что виноват перед ней, но не помню, в чем.

Стены начали вибрировать. Низкий, утробный гул зародился где-то в глубине, под ногами. Плач начинался.

— В круг! — скомандовал Брамм. — Спина к спине! Сейчас здесь начнется ад.

Они встали треугольником в центре маленькой каверны. Ириэль достала свой медальон с прядью волос брата. Вард вытащил кинжал, готовясь платить кровью. Брамм активировал руну на своем наплечнике, создавая слабое защитное поле.

— Думай о хорошем, человек, — сказал Брамм. — Вспомни хоть что-то, за что можно зацепиться.

— Мне нечего вспоминать! — прорычал Вард, заноса кинжал над израненной рукой.

Ириэль вдруг сделала то, чего сама от себя не ожидала. Она схватила Варда за запястье, останавливая удар. Её обожгло его болью, но она стиснула зубы.

— Не надо, — сказала она. — Ты и так еле стоишь. Есть другой способ. Дай мне свою память. То, что осталось. Запах. Дай мне запах.

— Ты спятила?! — Вард попытался вырваться.

— Я Слушательница! — выкрикнула Ириэль. — Я могу усилить твоё воспоминание! Мы используем его вместе. Только доверься мне!

Это было невысказано. Для эльфа разделить чужое воспоминание — это как выпить яд. Но Плач уже начался. Гул перешел в душераздирающий стон. Стены каверны пошли рябью, и в дверном проеме начали материализовываться тени.

Вард посмотрел в глаза Ириэли. Он не помнил, как выглядит доброта. Но сейчас, в этом жесте, он что-то почувствовал. Он закрыл глаза и представил запах. Запах волос Лиары. Лесной орех и утренняя роса.

Ириэль ахнула. Запах, который передал ей Вард, был по-

что идентичен запаху из Зала Воспоминаний. Почти идентичен запаху её брата. Это совпадение было настолько ошеломляющим, что на секунду она забыла о Плаче. А затем она сделала то, чему её учили всю жизнь, но что было под запретом. Она не стала защищать только себя. Она сплела общее воспоминание.

Маленький мальчик с веснушками на переносице бежит по лесу и смеется. Рядом с ним женщина с размытым лицом. Она пахнет лесным орехом. Она — мать Ириэли и жена Варда в одном образе. Светлячок садится на ладонь мальчика. «Смотри, мама! Я поймал светлячка!»

Волна Плача, ворвавшаяся в каверну, натолкнулась на это единое, сплетенное из двух искалеченных душ воспоминание. И расступилась.

Тени, которые уже тянули свои когтистые лапы к героям, заколебались и исчезли. Гул стих. Наступила тишина. Такая глубокая и чистая, какой не бывает в Подземелье.

Ириэль разжала пальцы. Она пошатнулась. Воспоминание о брате, которое она использовала как щит, стало еще бледнее. Она почти не видела его лица. Только силуэт. Вард подержал её за плечо.

— Зачем?.. — прохрипел он.

— Потому что твоя жена пахла так же, как мой брат, — тихо ответила Ириэль, и по её щеке скатилась слеза. — Я не знаю, что это значит. Но мы связаны. Твоя потеря и моя. И возможно, мы найдем ответ, если найдем Малька.

Брамм, который молча наблюдал за этой сценой, внезапно издал странный звук. Похожий на скрежет металла. Это был смех. Горький, полный неверия.

— Понимаете, что произошло? — спросил он. — Впервые в истории эльф и человек разделили Скорбь и не сошли с ума. Вы создали новую руну. Руну Сострадания.

Он посмотрел на свои закованные в металл руки.

— И я, кажется, начинаю понимать, зачем мне этот ребенок. Не чтобы изучать. А чтобы научиться у него делать то, что сейчас сделали вы.

ГЛАВА 5. ОСКОЛКИ

Они провели в каверне еще час, восстанавливая силы. Брамм использовал одну из своих рун, чтобы запечатать вход и создать подобие безопасной зоны. Но тишина, наступившая после Плача, была обманчивой.

Ириэль сидела в углу, прижав колени к груди. Она больше не пряталась от Варда. Наоборот, она ловила себя на странном желании подойти к нему ближе, чтобы снова почувствовать тот запах, который теперь ассоциировался у неё не только с братом, но и с чем-то новым. С надеждой. Но это же чувство рождало в ней гнев. Она злилась на себя за то, что использовала память о брате как разменную монету, чтобы спасти какого-то человека.

— Это ничего не меняет, — сказала она наконец, глядя на Варда, который перевязывал свои старые раны. — Когда мы найдем ребенка, я выполню свой долг. Агония должна прекратиться.

Вард не ответил. Он просто кивнул, словно принимая её приговор. Но Брамм вмешался.

— Ты уверена, что это твой долг, эльфийка? Или это то, что тебе приказали старейшины, пока ты прячешься в своих стерильных садах?

— Ты ничего не знаешь о наших садах! — огрызнулась Ириэль. — Мы прячемся не от мира. Мы прячем мир от себя. Потому что каждый раз, когда эльф выходит наружу и впитывает чужую боль, он несет её обратно. И если мы когда-нибудь накопим достаточно боли, мы станем чудовищами, которые уничтожат всё живое. Наша изоляция — это не выбор. Это проклятье.

— А люди? — спросил Брамм. — Мы, гномы, смотрим на вас и видим две расы, которые уничтожают сами себя. Люди сходят с ума от Скорби, но продолжают спускаться в Подземелья. Эльфы сходят с ума от изоляции, но продолжают прятаться.

— А гномы? — вставил Вард. — Вы строите свои машины и делаете вид, что вы выше этого. Но Брамм здесь. И он чувствует. Может, вы не такие уж и безупречные?

Повисла тяжелая пауза. Каждый из них обнажил слабость своей расы. И каждый увидел в этих слабостях отражение собственной травмы.

И тут в тишине раздался новый звук. Не Плач. Не скрежет камня. Это был тихий, едва слышный детский смех.

Они замерли. Звук шел не из коридора. Он шел из стены, на которой все еще виднелись сотни выцарапанных имен «Лиара». Каменная поверхность пошла рябью, как вода, и в ней открылся проход. Не грубый туннель, а арка, увитая черными, неживыми цветами.

Там, за аркой, в крошечной круглой комнате, наполненной мягким, призрачным светом, сидел Малёк.

Он выглядел как обычный ребенок пяти лет. Босые ноги, простая холщовая рубашка. Только глаза у него были без зрачков — сплошная глубокая синева, в которой, как звезды, мелькали образы чужих жизней. Он не плакал и не боялся. Он перебирал камешки на полу и тихо смеялся, глядя на Варда, Ириэль и Брамма, словно давно их ждал.

— Вы пришли, — сказал он голосом, который был похож на перезвон хрустальных колокольчиков. Именно так смеялся брат Ириэли. Именно так, по смутным ощущениям Варда, смеялась его дочь. — Я видел вас во снах. Вы потеряли. Но вы нашли друг друга. Это хорошо.

Малёк встал и сделал шаг к ним. Брамм инстинктивно

поднял руку с руной, но тут же опустил её. Ириэль сжала рукоять клинка. Вард просто стоял и смотрел.

Ребенок подошел к Ириэли и протянул ей цветок. Он был живой, настоящий, с белыми лепестками.

— Не плачь, — сказал он. — Твой брат жив. Здесь. — он коснулся своей головы. — Они все живы. Здесь.

Ириэль опустилась на колени. Её клинок со звоном упал на каменный пол. Она взяла цветок и почувствовала запах лесного ореха. Такой сильный, такой свежий, какого она не ощущала уже сотню лет. Её щит, её воспоминание, за которое она цеплялась всю жизнь, было нужно ей, чтобы защищать себя. А этому ребенку оно было не нужно. Он сам был этим воспоминанием. Он был живой памятью всех, кто умер.

И она поняла, что не сможет его убить. Никогда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.